

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-----------------------	---

С ЦАРЕМ В ТОБОЛЬСКЕ

Из воспоминаний	10
Первая встреча с бывшим царем Николаем II	16
Свита и служащие бывшей царской семьи	21
Отряд особого назначения по охране бывшего царя и его семьи	22
Всенощная	24
Отношение населения к бывшему царю	28
Времяпровождение	31
Окружающая атмосфера	33
Образование и развитие детей бывшего царя	37
Свитская заботливость	41
Первая обедня в церкви Благовещения	46
Препятствия	54
Октябрьский переворот в 1917 году	57
Я покидаю пост комиссара	78

Письма Николая II и Александры Федоровны

друг к другу (1916 год. Июнь — декабрь)	81
---	----

Предисловие

Увы, сейчас уже мало кто помнит эти имена. Из нынешнего поколения знают Василия Семеновича Панкрата лишь единицы. Между тем в конце прошлого и начале нынешнего века был он заметной фигурой в русском революционном движении.

Восемнадцатилетним юношей, только-только освоив специальность токаря-металлиста на заводе Семянникова в Петербурге, связался В. С. Панкратов с народовольческими кружками и остался верен идее «Народной воли» вплоть до самой своей смерти в 1925 году. На похоронах кто-то из присутствующих сравнил его в надгробной речи с Петром Алексеевым*. И действительно — оба они рабочие, оба из крестьян, ушедших в город на заработки, обоих царизм жестоко покарал. Петр Алексеев, сказавший на суде свои знаменитые слова: «И тогда поднимется мускулистая рука рабочего класса...» — получил десять лет каторги на Каре. Василий Панкратов был приговорен к двадцати годам одиночного заключения в приснопамятной Шлиссельбургской крепости — при аресте он оказал вооруженное сопротивление, давая возможность скрыться своей спутнице.

В Шлиссельбурге его камера располагалась рядом с той, в которой была заключена Вера Николаевна Фигнер. В ее записках «Когда часы жизни остановились» находим характеристику В. С. Панкрата как человека, и в тюремных условиях оставшегося несломленным. Во многом

* Петр Алексеевич Алексеев (1849–1891 гг.) — один из первых российских рабочих-революционеров, ткач.

благодаря его усилиям и требованиям, например, заключенные с определенного момента стали получать книги. Для самого В. С. Панкратова это имело особое значение, поскольку за долгие четырнадцать лет, которые ему пришлось провести в шлиссельбургской одиночке (приговор был в конце концов чуть смягчен), он полностью закончил самообразование и всерьез заинтересовался геологией, сыгравшей в его последующей жизни немалую роль.

Шлиссельбургское заключение окончилось для В. С. Панкратова в 1898 году — последующие годы одиночки ему были заменены ссылкой в далекий Вилюйск, городок, наиболее известный тем, что здесь в семидесятых годах прошлого века отбывал аналогичную ссылку Н. Г. Чернышевский, которого революционное народничество считало своим идейным вдохновителем и наставником. Городок был по тем временам действительно малопримечательный, однако бескрайняя тайга, лежащая вокруг, суровые скалы и тракты Якутии надолго приковали к себе сердце В. С. Панкратова, и «якутская история» имела для него свое продолжение.

В самый канун революции 1905 года В. С. Панкратов получил наконец возможность вернуться в Москву. В древней российской столице кипели страсти. Еще свежи были в памяти людей события Девятого января, когда войска расстреляли безоружную толпу, двигавшуюся «на поклон» к царю в Петербурге. Всероссийская октябрьская политическая стачка, волнения в армии и на флоте побудили правящие круги России выступить с манифестом, в коем царь обязывался «усовершенствовать» порядки в государстве, даровать гражданам основные политические свободы. Появились легальные независимые партии, такие, как, например, кадеты, октябристы, претендующие на народо-вольческую преемственность, эсеры и др. Человеку, надолго оторванному от политической борьбы, несложно было запутаться в таких обстоятельствах. С В. С. Панкратовым ничего подобного не произошло — он быстро нашел общий язык с новым поколением революционеров. Участвовал в

московском вооруженном восстании в декабре 1905 года, а после разгрома восставших скрывался, помогал спастись от расправы ушедшим в подполье товарищам.

И все же революция была разбита. В. С. Панкратов попытался найти себе место в новой и еще не совсем осознанной бывшими политкаторжанами действительности. Пригодились, как ни странно, знания геологии, с таким трудом освоенные в шлиссельбургской одиночке. В. С. Панкратов, не особенно стремившийся задержаться в Москве, где о его революционных деяниях многим было известно, уехал обратно в Сибирь с первой подвернувшейся под руку научной экспедицией. Впрочем, для ее руководителей человек, хорошо знакомый со специальностью, да еще и получивший немалый опыт жизни в Якутии, был сущим кладом.

С геологическим молотком и рюкзаком за плечами, в пушистой местной кухлянке* он исходил всю Якутию — понятно, более или менее освоенную ее часть. Исследовал Алдано-Нельканский тракт, Вилюйскую низменность и одноименное плато. Это была новая для него работа — труд ученого, и он, казалось, целиком отдался ему на целых пять лет. И когда верилось, что найдена уже последняя в жизни, окончательная стезя, грянула в стране революция 1917 года.

В. С. Панкратов вернулся «в Россию» — так тогда говорили сибиряки, уезжавшие на запад. О том, чем он был занят в Петербурге в первые месяцы после февральских событий, рассказано в самом начале предлагаемых читателю воспоминаний. Ну а потом это удивительное путешествие в Тобольск... Ясно, что выбор тогда пал именно на него потому, что снова требовался человек, по личному опыту знакомый с Сибирью, но при этом и безусловно честный, и умеющий взять на себя решение тех или иных непростых вопросов, и обладавший непререкаемым авторитетом среди очень пестрых по составу русских револю-

* Верхняя меховая одежда народов Севера в виде рубахи мехом наружу.

ционных слоев. В. С. Панкратов обладал для выполнения задачи всеми необходимыми качествами.

А то, что положение петербургской колонии в Тобольске было сложным, явственно чувствуется с первых страниц записок В. С. Панкратова.

Ни в коем случае не пытаюсь «рецензировать» написанное много лет назад, отметим все же редкостную достоверность воспоминаний В. С. Панкратова. Казалось бы, почти невозможно сохранить спокойный повествовательный тон человеку, описывающему быт людей, по прямой вине которых он вынес столько страданий. Но старый «шлиссельбуржец» ни разу не опускается до упрека, пусть самого невинного. Вероятно, поэтому воспоминания его и кажутся столь достоверными.

Естественно, как всякий человек (а В. С. Панкратов был личностью далеко не ординарной), он субъективен в изображении некоторых деталей жизни бывшей царской семьи. Но он стремился запечатлеть все, что связано с теми днями, по возможности точно, и только благодаря его пристальному взгляду мы получили сегодня столь полную картину тобольской ссылки Николая II и событий, предшествовавших его смерти.

Воспоминания В. С. Панкратова были обработаны и опубликованы им в кооперативном издательском товариществе «Былое» (Ленинград) в начале двадцатых годов и с тех пор больше не печатались. Думается, что современному читателю, особенно молодому и не очень хорошо разбирающемуся в обстановке первых послереволюционных месяцев, будет весьма полезно познакомиться с впечатлениями очевидца, причем такого, которого никак не заподозришь в предвзятости. Вот почему мы предлагаем читательскому вниманию этот уникальный человеческий документ революционной эпохи.

С ЦАРЕМ В ТОБОЛЬСКЕ

Из воспоминаний

В начале августа 1917 года Временное правительство предложило мне отправиться в город Тобольск в качестве комиссара по охране бывшего царя Николая II и его семьи. Сначала я отказался, потому что мне не хотелось расставаться с любимым, только что начатым делом по культурно-просветительной части в Петроградском гарнизоне. Работа только что начала налаживаться, удалось подобрать добросовестных и опытных соратников из петроградских педагогов и старых народовольцев. Лекции, собеседования в Финляндском полку по естественной истории, доклады в Литовском и других производили оздоровляющее действие на солдат. Мне же эта работа доставляла истинное наслаждение и убеждала меня в том, что только так и можно поднимать развитие солдат. Повторяю, тяжело было отрываться от такой работы и менять ее на комиссарство в Тобольске. Кроме того, я не был уверен, что справлюсь с этой последней задачей, так как ни офицеры, ни солдаты отряда абсолютно не были мне знакомы. Я ехал, как говорится, в темный лес.

Через несколько дней мне снова повторили предложение ехать в Тобольск.

— Больше послать некого, — заявил помощник начальника Петроградского военного округа Кузьмин.

— Мое мнение, — прибавил начальник округа, — вы обязаны ехать, это общее мнение...

Бабушка Брешко-Брешковская тоже настаивала на моей поездке.

Вид на Тобольск с севера, с колокольни Преображенской церкви. Из коллекции С.М. Прокудина-Горского. 1912 г.

— Тебе необходимо ехать, — говорила она. — Кому же больше? Ты сам много испытал и сумеешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это — обязанность перед всей страной, перед Учредительным собранием.

— Еду, как в темный лес: ни отряд, ни офицеры — никто меня не знает, и я их — тоже.

— У тебя своя голова на плечах, свой разум. Надо только помнить всегда, что ты человек, и они — люди, — возражала бабушка. — Поезжай, и больше ничего. Другого не нашли. Все остановились на тебе.

Через несколько дней мне пришлось беседовать и с А. Ф. Керенским, который тоже смотрел так. Но подробно поговорить с ним не удалось: всякий раз, когда я являлся к нему, его буквально каждую минуту отрывали то по делам фронта, то с докладами из разных министерств.

Только при этих свиданиях я убедился, что Керенский слишком завален работой, что он не сумел или ему не удалось окружить себя достаточным числом деловых людей, настоящими работниками. Его отрывали по весьма несложным делам, которые могли бы решить и сами секретари...

После Московского совещания, когда я дал свое согласие ехать в Тобольск и явился к Керенскому, чтобы получить все необходимые бумаги и инструкции, он вдруг задал мне вопрос:

— Вы еще не уехали?

— Как же мне ехать, когда ни бумаг, ни инструкций мне не выдали? — возразил я.

Он удивился, сказав:

— Их вам выдадут. Уезжайте немедленно. Я сделаю сейчас распоряжение. Зайдите к секретарю сейчас же. Обо всем остальном получите сведения от Макарова и поезжайте, пожалуйста, скорей поезжайте.

Временное правительство, точнее, А. Ф. Керенский торопил меня особенно настойчиво, когда Макаров и Вершинин, сопровождавшие семью бывшего царя в Тобольск, прибыли в Петроград, не дождавшись себе заместителей.

К полковнику же Е. С. Кобылинскому, начальнику отряда особого назначения, было двойное отношение: с одной стороны, ему доверяли и полагались на него, с другой — открыто высказывали сомнения под влиянием различных, часто ни на чем не основанных наветов завистников и мелкотщеславных карьеристов-офицеров. Кроме того, Омский Совдеп внушал Временному правительству некоторые опасения. Торопить-то меня торопили, а о документах забыли. Наконец было вручено мне удостоверение и инструкция, которую я и привожу целиком.

Копия.

«Временное Правительство. Г. Петроград.

21 августа 1917 г.

Инструкция комиссару по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства, находящихся в г. Тобольске, Василию Семеновичу Панкратову.

1. Комиссар по охране бывшего царя и прочих членов его семьи является полномочным представителем Временного Правительства во всем том, что относится к его компетенции.

2. Комиссар имеет право устанавливать порядок охраны бывшего царя и его семейства, поскольку это допускается инструкцией, данной по сему предмету Временным Правительством.

3. Комиссар имеет право делать указания лицам, которым вверена охрана бывшего царя и его семейства, по поводу порядка охраны, ставить им на вид отступления от установленного порядка и, в случае серьезного нарушения ими правил охранения, устранять их от исполнения обязанностей по охране, донося о том немедленно Временному Правительству в лице министра председателя.

4. В случае нарушения чинами воинского караула своих обязанностей, комиссар извещает об этом коменданта помещений, занятых бывшей царской семьей, на предмет принятия мер к недопущению в дальнейшем наруше-

ний правил караульной службы. Если комиссар получит сообщение по поводу нарушения чинами воинской гарнизонной службы по караулу гор. Тобольска, он сообщает об этом соответствующему начальству чинов караула на тот же предмет.

5. Комиссар имеет право поверки караулов как помещений, занятых царем и его семейством, так и в г. Тобольске. Обо всех серьезных нарушениях караульной службы, в случае их повторения, он немедленно доносит Временному Правительству в лице министра председателя и сообщает командующему войсками Омского военного округа.

6. Комиссару принадлежит право удалять из помещений, занятых бывшей царской семьей, лиц свиты и прислуги, находящихся в настоящее время в этих помещениях.

7. Право просмотра переписки, адресованной членам бывшей царской семьи, а также и отправляемой ими, принадлежит исключительно комиссару. Задержанная переписка направляется им министру председателю.

8. Комиссар по соглашению с местными властями устанавливает порядок надзора и регистрацию лиц, прибывающих в гор. Тобольск и отъезжающих.

9. Комиссар два раза в неделю телеграммами посылает министру председателю срочные донесения, а также извещает о всех экстренных обстоятельствах.

10. Всем гражданским и воинским властям надлежит оказывать комиссару всяческое содействие, а комиссару в экстренных случаях предлагается принимать все меры, кои он найдет нужными.

11. Один экземпляр этой инструкции находится у министра председателя, а другой выдается под расписку комиссару.

Министр председатель (подпись Керенского)».

Второй документ, врученный мне Временным правительством, следующий:

«Временное Правительство.

Г. Петроград. № 3019. 21 августа 1917 года.

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего Василий Семенович Панкратов 21 августа 1917 года назначен Временным Правительством комиссаром по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в г. Тобольске, и его семейства.

Министр председатель (подпись Керенского).
Печать Временного Правительства».

Перед отъездом ко мне зашел генерал Васильковский, командовавший Петроградским военным округом.

— Вам необходимо взять с собою автомобиль, — сказал он мне.

Я этого не могу сделать, — ответил я.

— Ваше положение обязывает это сделать, — настаивал он.

Я отказывался категорически, объясняя тем, что это безумный расход, совершенно ненужный.

Тогда возьмите карету и пару лошадей.

Я и от этого отказался. Так мы и расстались.

23 августа, взяв с собой помощника и одного солдата, я выехал из Петрограда. Подъезжая к Тюмени, я из газет узнал об инциденте с генералом Корниловым. На станциях на всевозможные лады толковали это событие. Не имея проверенных сведений, я в разговорах со своим помощником воздерживался от категорических суждений, тем более что генерал Корнилов мне не был известен ни с какой стороны, а отношения его к Керенскому мне казались тогда хорошими. Во всяком случае, история с Корниловым вызвала повсюду какую-то особую тревогу и напряжение. В город Тобольск мы прибыли 1 сентября 1917 года. Пребывание там бывшего царя с семьей вызвало усиленный караул на пристанях, и ко всем приезжающим относились с большой подозрительностью. Караульные местного гарнизона строго просматривали документы, и при малейшем сомнении пассажиры отправлялись в милицию для выяснения личности. Так как я не показал всех своих до-

кументов, то и меня постигла судьба отправиться с милиционером в милицию. Но туда я отказался ехать, заявив, что мне надо сначала явиться к начальнику отряда по охране бывшего царя. Милиционер исполнил мое требование и заехал со мною в дом Корнилова, где проживал начальник отряда полковник Кобылинский, уже предупрежденный о моем приезде телеграммой.

Встреча с Кобылинским произвела на меня очень хорошее впечатление. Я передал ему пакет от Керенского и предъявил свои документы.

— Мы давно ждем вас, — сказал он. — А вы можете нас оставить, — прибавил он, обращаясь к милиционеру.

— На пароходе у меня остались вещи и ждут два спутника, — заявил я.

— Мы сейчас посмотрим, куда вас поместить, потом отправимся на пароход. Здесь с помещением имеются затруднения.

Он показал мне две комнаты: одну для меня и другую для помощника. Мы поехали снова на пристань за вещами и моими спутниками. Караул из местного гарнизона снова потребовал у меня документы, в ответ на это требование полковник Кобылинский предъявил свои документы, и все разговоры сразу прекратились.

Наконец я и мои помощники водворились в доме Корнилова, как раз напротив губернаторского дома, где проживала семья бывшего царя. В мое распоряжение были предоставлены две небольшие комнаты: одна для меня лично, другая для канцелярии.

Первая встреча с бывшим царем Николаем II

2 сентября я отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывшего царя. Камердинер немедленно исполнил поручение, отворив дверь кабинета бывшего царя.

— Здравствуйте, сказал Николай Александрович, протягивая мне руку. — Благополучно доехали?

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, протягивая свою руку.

— Как здоровье Александра Федоровича Керенского? — спросил бывший царь.

В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией, и даже признательность. Я коротко ответил и спросил о здоровье бывшего царя и всей его семьи.

— Ничего, слава богу, — ответил он, улыбаясь.

Надо заметить, что бывший царь во все время нашей беседы улыбался.

— Как вы устроились и расположились?

— Недурно, хотя и есть некоторые неудобства, но все-таки недурно, — ответил бывший царь. — Почему нас не пускают в церковь, на прогулку по городу? Неужели боятся, что я убегу? Я никогда не оставлю свою семью.

— Я полагаю, что такая попытка только ухудшила бы ваше положение и положение вашей семьи, — ответил я. — В церковь водить вас будет возможно. На это у меня имеется разрешение, что же касается гулянья по городу, то пока это вряд ли возможно.

— Почему? — спросил Николай Александрович.

— Для этого у меня нет полномочия, а впоследствии будет видно. Надо выяснить окружающие условия.

Бывший царь выразил недоумение. Он не понял, что я разумею под окружающими условиями. Он понял их в смысле изоляции — и только.

— Не можете ли вы разрешить мне пилить дрова? — вдруг заявил он. — Я люблю такую работу.

— Быть может, желаете столярную мастерскую иметь? Эта работа интереснее, — предложил я.

— Нет, такой работы я не люблю, прикажите лучше привезти к нам на двор лесу и дать пилу, — возразил Николай Александрович.

— Завтра же все это будет сделано.

— Могу ли я переписываться с родными?

— Конечно. Имеются ли у вас книги?

— Даже много, но почему-то иностранные журналы мы не получаем — разве это запрещено нам?

— Это, вероятно, по вине почты. Я наведу справки. Во всяком случае, ваши газеты и журналы не будут задерживаться. Я желал бы познакомиться с вашей семьей, — заявил я.

— Пожалуйста; извиняюсь, я сейчас, — ответил бывший царь, выходя из кабинета, оставив меня одного на несколько минут.

Кабинет бывшего царя представлял собой прилично обставленную комнату, устланную ковром; два стола: один — письменный, с книгами и бумагами, другой простой, на котором лежало с десятков карманных часов и различных размеров трубки; по стенам — несколько картин, на окнах — портьеры.

«Каково-то самочувствие бывшего самодержца, властелина громаднейшего государства, неограниченного царя, в этой новой обстановке?» — невольно подумал я. При встрече он так хорошо владел собою, как будто бы эта новая обстановка не чувствовалась им остро, не представлялась сопряженной с громадными лишениями и ограничениями. Да, судьба людей — загадка. Но кто виноват в переменах ее?.. Мысли бессвязно сменялись одна другою и настраивали меня на какой-то особый лад, вероятно, как и всякого, кому приходилось быть в совершенно новой для него роли.

— Пожалуйста, господин комиссар, — сказал снова появившийся Николай Александрович.

Вхожу в большой зал и к ужасу своему вижу такую картину: вся семья бывшего царя выстроилась в стройную шеренгу, руки по швам; ближе всего к входу в зал стояла Александра Федоровна, рядом с нею Алексей, затем княжны.

«Что это? Демонстрация? — мелькнуло у меня в голове и на мгновение привело в смущение. — Ведь так выстраи-

Николай II и Алексей Николаевич в ссылке в Тобольске. Фотография великой княгини Марии Николаевны. Зима 1917–1918 гг.

«Все-таки много на воздухе, и это им полезно всем, и физическая работа для Государя необходима, с детства к этому привык. С покойным Отцом вместе лес пилили и рубили, так Он и теперь со своими людьми делает»

(Из письма Александры Федоровны, 4 июня 1917 г., Царское Село)